

18+

МАКС АЛЛИН

Две тысячи дней счастья... И обмана

СТРАНСТВИЯ ДУШИ
ПО ЛАБИРИНТАМ ЧУВСТВ

Макс Аллин

**Две тысячи дней счастья...
И обмана. Странствия
души по лабиринтам чувств**

«Издательские решения»

Аллин М.

Две тысячи дней счастья... И обмана. Странствия души
по лабиринтам чувств / М. Аллин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-649890-7

Любовь — это самое ценное и дорогое, что человек хранит всегда в своём сердце. Она сопровождает его каждый день и всю жизнь. И самое страшное происходит, когда её крадут, ломают или просто выбрасывают из души, как ненужную вещь, опустошая предательством весь свой мир.

ISBN 978-5-00-649890-7

© Аллин М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Рождение возможного счастья	7
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Две тысячи дней счастья... И обмана Странствия души по лабиринтам чувств

Макс Аллин

*Земную жизнь пройдя до половины,
я очутился в сумрачном лесу.
Данте Алигьери*

© Макс Аллин, 2024

ISBN 978-5-0064-9890-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

(описываемые события имели место в жизни, имена персонажей изменены, а возможные совпадения с ними – чистая случайность)

Дворец Сказок в Казани (фото автора)

Глава 1. Рождение возможного счастья

В 7 часов утра 10 апреля Года Жёлтой Земляной Собаки истекали очередные сутки дежурства Лёхи Антонова, на которых он дежурил охранником в одной из старинных школ города, что растерянно глядела белыми окнами на проржавевшие купола одного из самых известных его храмов. Здесь он чередовал время своего учительства в тусклом колледже с подработкой на одном из постов своего охранного агентства.

Служил он в нём верой и правдой уже пятый год и понемногу привык к бесконечному ночному времени, когда нельзя спать на службе, но вполне морально оправданно можно прикорнуть часок-другой, не попадая под неусыпный стеклянный глаз бездушного автоматического коллеги. Надо было только додуматься, как это правильно суметь сделать. И без ущерба для своей охранной репутации.

Зато борьба со сном настигала его днём, когда нужно было вести занятия, общаться со студентами и коллегами. Это было самое сложное – не заснуть во время уроков. Он старался выбрать момент, когда студенты выполняли учебное задание и не могли видеть, как веки его учительских глаз предательски смыкаются, исполняя недоделанную ночную работу.

Лёха откинулся на спинку стула. На столе запущенного кабинета, превращённого в дежурку для охранников и уборщиц, призывно белели тетрадные листки, на которых творился очередной сборник стихов. Настенные часы, беспощадно посечённые временем, настырно обещали новый учебный день, предстоящее появление учителей и буйного стада разновозрастных школяров. И Её прихода..

Этого момента он не мог пропустить, когда Она, оглядываясь, мелькнёт в дверях дежурки, смущаясь положит в местный убогий, и донельзя обшарпанный, холодильник пакетик с коробкой еды для себя и его и, пряча улыбку в глазах, пойдёт лёгкими шагами в свой кабинет завуча на третьем этаже.

Лёха познакомился с Инной на вечернем обходе, когда по инструкции осматривал кабинеты перед ночным дежурством. В школе было тихо, лишь уборщица в поисках воды отчаянно гремела пустым ведром где-то на первом этаже. Неяркая полоска света под дверью выдавала чьё-то присутствие. Он постучал и, услышав голос, вошёл. За третьим от входа столом сидела, склонившись над бумагами, улыбчивая женщина с ясными синими глазами и волнистыми тёмно-русыми волосами, убранными в короткую красивую причёску.

– Здравствуйте, что-то вы засиделись сегодня снова, неужели дома никто не ждёт, – Лёха был немного нахален и смел, – я уж и кабинет собрался запирать. – Вы одна на этаже остались.

– Да, у меня всегда много работы, вот и не успеваю, сижу, доделываю – её глаза внимательно смотрели на Лёху, согревая его чем-то необъяснимым. Это потом он вспомнит выражение "в душе что-то ёкнуло», но сейчас мысль суетливо проскочила как-то мимо. Он просто наслаждался её светлым взглядом и спокойствием лица, сохранившим ожидание радости, несмотря на минувший крикливый и шумный школьный день.

– Да, вам не позавидуешь, – осмотрев для вида кабинет и потоптавшись возле столов, заметил Лёха. Он не стал распространяться насчёт своего учительства в одном из мутных колледжей города, подумав, что это будет странно сейчас, когда он под другой личиной ходит по чужим кабинетам и ведёт разговоры с их хозяйками.

– Я скоро заканчиваю работу, осталось немного совсем. И ключ на вахту принесу обязательно, – светлые глаза по-прежнему светились непонятной радостью.

В следующее дежурство, чувствуя интуицией Близнеца, что она сидит ещё за столом в кабинете, он принес довольно спелый банан и булочку, что ухватил на бегу в пекарне на углу ближайшей площади возле областного суда.

– Вы меня никак подкармливаете, – заметила Инна, пряча банан в верхний ящик стола, – я что-то не очень хочу есть. Но за это спасибо. Поработаю ещё немного и ваша булочка будет как раз кстати. Сердце Лёхи снова шевельнулось горячим. Прошёл год после недолгого, практически молниеносного, развода, со своей, теперь уже бывшей, сварливой супругой, и он не то, чтобы избегал женщин, но, во всяком случае, короткие знакомства обрывались, едва начавшись. Лёхина душа ещё не остыла от непримиримой боли глухого и откровенного предательства. Сын и дочь выросли, получили образование, уже работали. А он не стал мешать им жить, но вот с женой, желавшей жить без проблем на широкую ногу, развёлся без шума и пыли.

И откуда было знать Лёхе, что думала про себя русоволосая училка, когда он только— только появился перед её глазами. «Так, ещё один типус объявился, – в голове улыбочивой Инны стал складываться образ новичка-охранника, косолапит, да ещё и как-то с поломанной рукой. А, это про него, наверное, бабы говорили на днях, будто он то ли ветеран, то ли участник войнушки какой-то. Не грубит, вроде начитан. Вежливый.

Не чета, видно, моему сдохшему забулдыге, что всю свою жизнь по девкам таскался, да заразу в дом приносил. Господи, сколько же я с ним всего перетерпела..И по его кораблям моталась, ждала, дура, пока он со своими кобылами-поварихами разбирался, чьи ляжки горячее..И во всяких ночлежках портовых сутками ночевала, пока он из своей заграники придёт. Одно было по тем временам хорошо – барахла много ценного привозил, хотя и был жадиной несусветной. Об иномарке даже мечтал, да не сладилось у него что-то. А этот, скорее всего, не жлоб – вон каждый вечер еду разную мне таскает. И не жалко ему, кажется. Странно..Наверное влюбился, дурашка.

Да, видно не судьба мне была с Коляном – идиотом остаться, – продолжала размышлять она, перекладывая бумаги, – замуж не хотела, да вот взяла и пошла из бабского интереса – а как оно там будет? Ну, раз предлагает. Всё девственниц искал..А я виновата, что мне из пацанов никто не нравился? Думала, а вдруг мне с этим Коляном удача и выгорит? Может он сама судьба и есть? А этот мордашкой сохранился вроде – симпатичный, хоть и в возрасте. За «полтинник», наверное, давно уже потянул» – незаметно разглядывала его Инна, укладывая тетрадки в аккуратную стопку на столе.

Весна, быстро пришедшая с яркими днями, уже заканчивалась. А общение с Инной становилось всё откровеннее – они перешли на «ты» и с каждой новой встречей потоки чувства становились полнее и ярче. И хотя она оказалась на десяток лет младше, Лёху это пока не тревожило – в его жизни должен был появиться человек, который отвлёт бы его, хотя бы на время, от горьких и ненужных мыслей. И в один из вечеров накануне лета он решился.

– Ин, а давай съездим в Казань. Недельки на две. Я там вообще не был, говорят, интересно. Город большой, красивый. Немного подумав, она согласилась. И у самой понеслись косяком мысли: «Интересно, как он платить будет? Как мой бывший, зажмотничает? Или просто денег даст? Ладно, поглядим на его поведение. Хм, а какой же Он у него? Большой или маленький? Будет маловат, не дамся и сразу уеду. Поводов будет море. Фи!.Зачем мне такой нужен, да ещё и одноруконый.

Мой бывший муженёк такой приставучий был, шустрый, что приятно изводил ночами в край. До того, что полный отлуп временами давала месяца на три или на полгода. Потому и дёрнул к брюнеткам с крутыми ляжками. Обожал их. Видно, очень они его устраивали. Да ещё потом домой нагло заявлялся, пьяный в стельку, права качал при сыне».

– А когда поедем? – спросила Инна как можно равнодушнее. Лёха сразу нашёлся: «Давай подумаем! У меня в июле отпуск, а у тебя?» «У меня, – Инна сделала домиком красиво подведённые белобрысые бровки, – тоже в начале июля. Можно поехать в середине июля, чтоб дождей не было, а то я слышала, что в начале месяца будут дожди. Намокнем, простудимся».

– Хорошо, замётано, – у Лёхи дрогнуло сердце. Клынула! Теперь надо подготовиться. – Ин, а что ты так оглядываешься по сторонам, когда выходишь от меня из дежурки? – спросил

Лёха, не зная, что наступает на самую главную и болезненную, до жути, мозоль Инны – её тайную жизнь в школе. Она дёрнула губами и молча отвела взгляд.

Прошло три дня. Лёху так и подмывало узнать о её решении, но выдались свободные от дежурства дни и он посвятил их на подготовку. И всё же вечером на третий день он решил позвонить Инне и услышал в трубке её плачущий голос :

«Меня Барсик, кот, кислотой облил. Прыгнул на полку, пока я голову мыла и опрокинул бутылку с уксусом. Теперь надо стричься.. Как я теперь поеду с такой причёской? И вообще, куда?»

«Ба, да она отказывается, – сразу подумал Лёха, – придумала что-то и боится с незнакомым ехать. Кстати, а причём тут кот? – продолжал он свои глубокие размышления, – самое интересное начинается...Надо что-то делать. А поеду-ка я сейчас к ней в гости. Заодно и посмотрю, как она живёт-поживает».

Сказано-сделано. Через двадцать минут он был возле её дома на окраине города в посёлке моряков, обошёл, присмотрелся. Снаружи дом казался крепким, основательным, хотя и был построен в середине 50-х годов прошлого века. Однако, зайдя в подъезд, Лёха сморщился от запаха плесени, застарелого кирпича, извёстки и паутины. Самодельная добротная дверь убедительно говорила о заботливом хозяине квартиры. Теперь, правда, уже бывшем.

Инна встретила Лёху как-то смущённо, хотя он и предупредил её о своём приезде. Нервно прикрывая полотенцем мокрые волосы, жалобно рассказывала: – Я вот сожжённые кислотой волосы подровняла, как могла, и теперь сестру Катю надо просить, чтобы получше подстригла. Она парикмахер-самоучка. Раньше она много стригла, как могла, тем и зарабатывала неплохо».

Красивый кот, явный сиамец, лениво лежал на серо-зелёном, недоступном для его острых когтей, диване, самодовольно играя кончиком хвоста. Пока пострадавшая сушила феном волосы, Лёха рассуждал про себя, в чём же состояла вина хвостатого и была ли она реальна вообще. К конкретному выводу он так и не пришёл, занявшись осмотром жилища своей новой знакомой.

«Обычное жильё теперь уже одинокой училки, – почему-то плавно пришлось на ум, – книжки, посуда, телик плазменный. А верхние мощные динамики явно не её, и давно не включались – решал задачу Лёха, тут интерес другой нужен. Резкий, жёсткий. Для «металла»..

Инна тихо вошла в комнату, прервав его умозаключения, и присела рядом с ним на диван, сложив ноги по-турецки.. В руках у неё качалась коробка из-под конфет, наполненная какими-то бумажками.

– Недавно я прибирала нашу машину внутри, – начала она дрожащим почему-то голосом и нашла моего мужа бывшего, Коли, тайные записки и рецепты. Её тонкие пальцы нервно касались пожелтевших листков с непонятными записями. – Оказывается он ходил к врачу, ну сам понимаешь, к какому, проверял себя носитель он вируса или нет. И доктор направил его на лечение. А он скрыл от меня всё это. Потом болел долго, проще сказать, гнил живьём. Я не отходила от его койки и чего только не пережила. Последние дни провёл дома, и о том, что я испытала, лучше не говорить».

Слёзы душили её. Инна вздохнула поглубже и продолжала: «Всё это Данилка видел, сын мой, он сейчас на работе. Как он отца ненавидел, просто не могу передать. Пытался меня защищать, когда тот избивал меня за малейшие проступки – не так ступила, не так подала, не так посмотрела. Когда же наступили последние дни, он вообще как будто сошёл с ума. Неожиданно пытался встать, несколько раз падал, а потом полиция устанавливала на допросах причины синяков – от падений или моих побоев. Думали, что я непременно пыталась его убить. Еле-еле оправдалась». Голос Инны прерывался, слёзы снова скользнули по щекам...

Она закрыла коробку и устало облокотилась на подушки.

– Да, понимаю тебя, – только и смог сказать Лёха, тяжело тебе пришлось, сочувствую. И, неожиданно для себя, прижался к ней плечом, полуобнял. А сам подумал: «Зачем же она это мне говорит? Так сразу раскрывает картины своей тяжёлой жизни? Интересный душевный спектакль – рассказать о муже-поганце, который долго издевался над ней и сыном и потом как-то вовремя взял и умер. Или тонкий намёк на сдачу пробы на вирус для отказа от знакомства? Если это так, то она ещё тот фрукт. Ладно, посмотрим, как будет выходить из этой ситуации».

Успокоившись, Инна встала, спрятала коробку в недрах древней, советских времён, полированной стенки, и уже ровным голосом, который Лёха ну не мог спутать ни с чьим, сказала так, будто он жил здесь уже целую вечность: «Не уходи, сейчас поставлю чай, попьём с печеньками» и вышла на кухню.

– Да, вот это дела, – его душа зашла от изумления. Пришёл просто поведать, а стал свидетелем целой трагедии, тут Шекспир явно отдыхает». Через несколько минут он уже сидел за полукруглым пластиковым столом, и не столько пил ароматный кофе, сколько в очередной раз за короткое гостевание погружался в грустное прошлое своей новой знакомой. Вновь думая, что лучше было бы пить не «бразильский» эрзац-кофе, а глотнуть сразу «соточку» хорошего коньяка, чтобы реально прочувствовать жизненные передрыги женщины, к которой он проникся глубоким чувством, пока что сострадания.

И, как будто подслушав его тайные мысли, Инна достала из верхнего шкафа бутылочку армянского коньяка.

– Сама не пью, голова не переносит, но сейчас не могу, разреюсь точно, что-то на сердце тяжело. Налей немножко». Пришлось даме уступить. Коньяк оказался так себе, разве что по красивой этикетке армянский, но готов был и этот, почти коньяк, пригубить, ради жизненно изумительных, как чувствовал, душевных признаний симпатичной собеседницы.

– Я родителей не послушала, особенно маму, – рассказывая о себе, Инна гладила свою руку, словно хотела извиниться перед кем-то. Она очень хотела, чтобы я закончила школу и обязательно поступила в какой-нибудь институт. А мне вот, вздумалось пойти в местное педучилище, девчонки-одноклассницы говорили, что там очень интересно, да и мне нравилось возиться с малышнёй, чему-нибудь их учить. Откуда такое во мне взялось и как давно, сама не знаю.

Тайком отнесла документы в приёмную комиссию, и сказала родителям о поступлении уже потом, после приказа о зачислении. Деваться им было некуда, для вида поругали и смирились с тем, что я буду теперь учительницей начальных классов.

Учиться было интересно, да и время тогда было советское, по тогдашним меркам, любопытное, а по теперешнему – совсем непонятное. В общем, потом пошла на работу, втянулась. А тут и замужество свалилось, как снег на голову. Я его не особенно-то и хотела, много занималась гимнастикой, мечты всякие лелеяла, но как-то не сложилась моя спортивная удачная судьба из-за травмы позвоночника. Да, впрочем, и жизнь потом оказалась далеко не сахарной.

– Инна помолчала, пригубила ещё из рюмочки, потёрла пальцы рук, – немеют почему-то, наверное, от нервов, – и продолжала: «Гуляла с будущим мужем Колей месяца два-три, он мне показался стоящим парнем, таким хватким, сильным внутри, порой даже дерзким. Я и сама не промах – молчу, молчу, а потом как вмажу словами.. Потому разом купилась на его характер. Может не стоило мне за такого идти, не знаю. А время тогда было лихое – начало девяностых годов. На кого-то нужно было опереться. Он в то время имел деловую профессию – моряк или ремонтник, бог там знает какой.. Но что-то с морем связано было. Значит, очень уж всем выгодная казалась. Тогда дикий дефицит всего был, а моряки процветали, барахло всякое из-за границы везли, можно было жить хорошо, припеваючи, это если с головой всё делать.

Он-то младше меня был всего на пару лет, зато шустрый, а мной душой, крутил, как хотел. Я ж верила ему, как никакая другая. Свадьбу сыграли скромную, только на ней скандал

произошёл – его бывшая девица, Клавка, не поверила, что он женится не на ней, и припёрлась отношения выяснять. Так было дико и неприятно слушать её крики, визг...

Да-а-а..Семейная жизнь началась со скандала и гадостью закончилась. И с тех пор я очень суеверная. Потому что сразу посыпались на меня какие-то невзгоды. Пожить нормально успели только месяца два с половиной, а потом Коля ушёл в плавание и начались мои мытарства душевные. Я пишу письма, звоню ему куда-то в пароходство, а письма или не доходили или он их не читал вовремя. Получалась всякая куролесица. Одни нервы...

Страшно он по мне соскучился и вздумал меня на корабль пригласить, заманил всякой всячиной, дескать приезжай в Питер, обратно на корабле пойдём до Куйбышева, из-за границы прибуду, вещей привезу, каких захочешь. А на деле так вышло, что по-тихому стала я соержанкой команды. Он так ловко устроил, что все сливки ему и деньги, и работа не пыльная, а мне по кубрикам оставалось шляться по его желанию...

Письма же писал такие любвеобильные, хоть плачь. Сейчас в шкафу за полками валяются, всё ж не выкинула, ведь там частица души моей. Я, дура, плакала, думала он любит меня очень. А Коля меня просто продавал с выгодой для себя – ему барахло команда за полцены сплавляла.

При случае хвастался, что купил в Финляндии, в Германии за полцены.. Выходило, что эти полцены – мои услуги.. Так промучилась одну поездку, другую, а потом решила – хватит. Намекнула ему, а он сразу в лицо кричит: «Слинять хочешь, дура, от денег? Знаешь, сколько я должен отработать?». Не стерпела, высказала ему всё, что думала. И ушла домой. Лежу, плачу, холодеет во мне всё...

Так и ушёл в новое плавание, изругавшись со мной до чёртиков. Прошло месяца четыре. Мама прослышала о моих злоключениях, зовёт: «Приходи, придумаем что-нибудь». Тут у меня сынок впервые и шевельнулся внутри. Радостная, пошла к ней. Просидели до ночи в разговорах. Она и посоветовала: «Иди, говорит, в пароходство, скажи, так мол и так, обрюхатил, подлец, бросил, ушёл в плавание. Не пишет и не интересуется ни мной, ни будущим ребёнком. Они уж прочистят ему мозги».

В пароходство-то я не пошла, постеснялась тогда, но у меня был хороший знакомый, капитан большого пассажирского корабля, известная личность, бывал у нас в училище, потом часто в школу приглашали. С ним поговорила, обсказала, как всё было и он пообещал помочь. Уж не знаю, что и как он там делал, но помог.

Не прошло и недели, как мой благоверный муженёк позвонил через служебный телефон прямо с корабля, каялся, божился, что не будет повторять такого никогда. Но я уже ему не верила. Мне знакомые во все уши прожужжали, что именно он там на кораблях делал, и как себя вёл в плавании. Стало так противно, как никогда. Но у меня уже был человек под сердцем, и его надо было родить, вырастить. А уж будет ли такой муженёк при этом присутствовать, это не моя печаль. Лишь бы деньги, подлый паразит, платил.

Вернувшись из рейса, полупьяный, в соплях и слезах, валялся у меня в ногах, умолял простить, клятвенно обещал жить душа в душу. В то лихое время наступил развал страны, надо было искать жильё – в морском общежитии, где я тогда бедовала, с ребёнком было бы очень тяжело. Но тут как раз подвернулся жуликоватый, и жадный невероятно, его дальний родственник, прописал нас в комнате своей квартиры. В той, рядом, где сейчас сын живёт. А в этой, где сидим, был его склад всякого барахла, – продолжала Инна с усмешкой, – запасы всякие, доски, краски и прочее. Он-то часто не бывал здесь, держал квартиру скорее для хлама, а тогда мы её хорошо отремонтировали, была как сарай, а стала квартирой.

Хоть в этом муж искупил вину – делал всё, как мне тогда нравилось. Попозже, со временем создал под окнами газоны для цветов. Обожаю это дело. Красиво..В деревне не смогла бы жить – там ведь вкалывать надо круглые сутки. Одна скотина да птица с хозяйством чего стоит. И не до цветов. А тут под окнами пожалте – газон, цветочки, какие хочешь выращивай. Вышла

по настроению, поработала, отдохнула.. Придурок мой и рад бы исправиться, да не тут-то было. Не прощала его, пока не повинится передо мной и Богом. Мы ж венчались.. Ну и что? Сходили в храм, исповедались, он перед батюшкой всяко покаялся, а сам-то видать нисколько не почувствовал. Где-то полгода ещё держался, и я стала с ним жить, как прежде. Думала, ну, опомнился мужик, снова понадеялась.

Устроился Колян в порту на частную фирму – лодки, плоты резиновые клеить, проверять, за границей побывал пару раз, и снова с катушек слетел от шальных денег. Завелись у него любовницы, одна другой ширше, глубже, и все, как назло, брюнетки. Меня даже хотел силой перекрасить, так не далась, покрасилась для вида потемнее, на том и отстал. В отместку стал на Волге рыбачить. И не один. Сначала со мной, конечно, а потом, как мне вся эта рыба вонючая надоела, стал брать похотливых девок на речные ночёвки. И сына сначала прихватывал, да я потом запретила. Чего ему там смотреть? Как он в моей бывшей палатке чужих девок пялит?

И тут, как назло, снова забеременела. Хотела ещё родить ему дочку, может остановился бы, припрятал до лучших времён свой неутомимый активатор. Но нет, словно бес в него вселился, будто себе цель поставил – всех девок посёлка лишить целомудрия. Ну я и не захотела носить его кровинку. Со злости пошла на аборт. Убила девочку... Сейчас была бы дочка, красивая, белокурая, о которой всю жизнь мечтала, и не пришлось бы сына любить так сильно, как нельзя матери. А тогда готова была растерзать этого идиота-гуляку.

Доктора не послушала, дура. Он был не старый ещё, такой, усталый, сидел передо мной, и уговаривал глазами. А я смотрела ему в лицо и ничего не видела, кроме своего дуролома. Будто оглохла. Во мне всё адски звенело и гудело в ушах. Как матрёшка сижу, поддакиваю. А сама криком кричу внутри, оттого, что муженёк меня снова опозорил.

Ни к кому не пошла со своей болью. Даже к маме. Она бы точно меня стала отговаривать, как и доктор. Но я словно заледенела. Дни сидела молча. Так в холодной душевной полутьме и согласилась лечь на операцию, где меня всю-всю исполосовали. Я же спортсменка бывшая, вся узкая такая была, не жирная, как многие наши «коровы» поселковые..

Один Господь знает, сколько я потом по храмам исходила, вымаливала прощение по дочери своей убиенной, уж и не знаю. Да и сейчас все вины готова взять на себя, искупить хоть чем, да вот мне прошлого никак не вернуть, придётся пользоваться тем, что осталось от той жизни – один сыночек».

И только тут Лёху осенило – сын заменил Инне мужа.. Пока что визуально..Под матовым блеском натяжных пластиковых потолков замаячила липким туманом мрачная тень царя Эдипа. Ему стало холодно и как-то не по себе. Инна поднялась, ойкнула, видать, онемели ноги от неудобного сидения.

– Устала что-то, да ещё ужин готовить надо, Данилка, любимочка, придёт, есть захочет». Лёха тоже привстал: «Ну, я пойду, можно завтра зайти»? – Можно, – Инна отрешённо кивнула головой, – после трёх часов. Буду как раз дома».

Обратный путь на съёмную квартиру оказался коротким, Лёха никогда не думал так долго напряжённо, чтобы длинная дорога закончилась почти незаметно. «Ну и дела, – размышлял он, – что ещё невиданного мне предстоит узнать от неё».

День завтрашний, через ночь плавно перешедший в текущий, продолжился звонком Инны: «Ты где живёшь? В гости наведаться можно, раз у меня был? Он объяснил, как добраться, и стал ждать её с работы. Эту съёмную квартиру Лёха нашёл почти случайно, и, как оказалось, весьма удачно. По выцветшему объявлению сдавалась «однушка» за «десятку» вместе с «коммуналкой». Не поверив своим глазам, он срочно побежал по адресу договариваться с хозяином.

И уже назавтра, звонким от солнца осенним утром, в сквере перед разбитым кинотеатром, встретился с мужем хозяйки, чудаковатым очкариком – айтишником, быстро с ним договорился. Страшно довольный, он в тот же удачный, яркий сентябрьский день вселился

в однокомнатную квартиру с чистой ванной, туалетом, огромной лоджией. Правда, «хата» на четвёртом этаже оказалась достаточно азиатски запущенной после изгнанных квартирантов-мигрантов, но радость от такого свободного жилья была сильнее.

После «гадюшников», в которых Лёха, «свежеразведённый муж», бедовал, это были настоящие хоромы. Нужно было только хорошенько их прибрать и подремонтировать, что он и сделал всего за месяц с небольшим. Теперь жил один и никакого горя не знал. Хорошо переживал и готовился даже что-то сделать крупное в квартире по ремонту, надеясь на длительное жильё.

После полудня она позвонила и предупредила, что едет. Лёха вышел её встретить. Когда вышла из автобуса, улыбнулась своим неповторимым светом глаз: «Ты как царь устроился – Губернский рынок напротив, вокзалы всякие, поглядим, что это за хата у тебя». Вошли.. По её взгляду он ощутил, что Инна ожидала совсем другого места обитания, но не стала вслух оценивать. Присев за накрытый стол, заметила: «Ты ещё и готовить умеешь?».

– А то как же. Правда по-минимуму, но думаю есть можно мою стряпню: салаты, бутерброды, рыбный суп...

– Надо бы эти обои переклеить, – заметила она морщась. Есть лучше на примете, могу подсказать где. Лёха с радостью согласился и уже через неделю, в субботу, она в симпатичном спортивном костюме, который красиво смотрелся на её стройной фигурке, деловито руководила мелким ремонтом в его очередной временной «хате».

Новые геометрические обои радовали глаз – она явно гордилась, что вытащила мужика из тусклой серости окружающей жизни и намеревалась продолжить свой «курс обучения». Но после третьего визита её пыл немного поугас, вероятно она не ожидала, что неухоженный холостяк надолго «зависнет» в съёмном жилье и стала намекать на совместную жизнь.

Думая об этом, Лёха не торопил события, ведь предстояла поездка в Казань, которая должна была раскрыть побольше её тайн и противоречий. В том, что они стояли в полный рост, у него не было никаких сомнений. Главным препятствием был её сын, тощий и бледнолицый инфант, торопливо проскользнувший в свою комнату во время лёхиного посещения. Тогда Инна не стала с ним знакомить Лёху, не считая пока нужным.

Белобрысый, безумно худой парень, с вялыми мышцами, несостоявшимися ляжками и сутулой спиной, по внешнему виду студент: очки, совершенно лысая голова и отрешённо-играющий взгляд. Тонкий голос с противным хихикающим смехом – таким Лёха увидел её 31-летнего сына, неполноценного самца – инфанта в возрасте почти Христовом. Откуда взялось это существо? От любви?

Её, по-лёхиному неторопливому размышлению, была целая пропасть, исчезнувшая в ходе жизненных условий и событий – болезней Инны, аборта, постоянных и циничных измен мужа, бытовых неудобств и последовавших лавин взаимных подозрений и ответной злобы. Лёха вдруг понял, культура этой семьи – ханжество, скопидомство, накопительство, крохоборство, дошедшее до абсурда к её старости – собирание разного рода баночек, скляночек, вещичек. А вдруг всё это пригодится?

У инфанта проявилось полное, причём брезгливое, равнодушие к детям и родителям, начиная с бабушки. За всё время, что Лёха потом жил у них, он ни разу не поинтересовался ни её здоровьем, не навестил её, не помог с посещением больницы, словом, вёл себя так, как будто её не было.

Но школу под маминым контролем он закончил вполне прилично, благодаря своему темпераменту – это был обычный «тихушник», благополучно и без проблем пересидевший все классы. Без хороших друзей и личных врагов. Маме он был очень удобен – ребёнок не проблемный. Всё время был чем-то занят, да и сейчас тоже проводил почти все время за компьютером.

Однако гнилая кровь отца дала о себе знать – инфант постоянно мучился испорченным желудком и кожными болезнями. Это Лёха определил сразу, курс анатомии в университете не прошёл даром. Но давать советы по лечению он не решался – кто их знает?

Образ жизни инфанта был виден сразу – ни попрыгать, ни побегать. Раньше, какое-то время он, к радости мамы, занимался музыкой, ходил на тэквондо, но после нескольких болезненных тренировок струсил и спорт бросил. У него сложилась своя, настоящая философия умного безделья – немного поработать, а потом отдыхать целый день, играя в компьютерные игры до тридцати с лишним лет в твёрдой уверенности, что мама и покормит его, и обслужит... Психология игромана и нахлебника, совершенно не способного к домашнему труду по вине матери, окружившей его заботами со всех сторон

А теперь это «чудо» должно было разнообразить лёхино будущее сожительство с избранницей, и как оно поведёт себя, знала только сама матушка Природа. Другим барьером было отношение Инны к прочной связи, на которую Лёха прежде всего рассчитывал, справедливо полагая, что вялотекущая жизнь по принципу хомяков совсем не сулила ему ничего хорошего. Однако внутренним чутьём Близнеца Лёха почувствовал, что именно отношения безо всяких обязательств, помноженные прежде всего на деньги и секс, твёрдо рулили поступками, запуганной тяжким прошлым, женщины.

Незадолго до отъезда в Казань, по сложившейся незаметно традиции, он зашёл к ней после окончания последнего урока. Была пятница, вторая смена, школа опустела, и на её столе было как-то непривычно пусто. Встав при его появлении, она загадочно глянула ему в глаза и, прижавшись, зашептала: «Я уже не могу... Хочешь сейчас? У меня и классная „резинка“ с собой есть».

У него всё похолодело внутри: «Как? Здесь? Прямо в классе?». — Да, ничего, – тихо прошептала она, – чего тут такого. Закроемся, лягу спиной на парту и ты всё сделаешь. Ну... Во мне давно всё жужжит от тебя... Очень хочется...».

Услышав её кипящий нетерпением шёпот, Лёха потерял дар речи. Он всегда рад был её, ну, чуть-чуть приобнять, согласился бы и на жаркий поцелуйчик, но к такому повороту событий его душа, да и тело не были готовы совсем. «Во дела, – потрясённо кружились лёхины мысли, – её годочки за полтинник далеко бегут, а она уже через месяц знакомства летит под кого-то прямо на парту лечь».

Увидев на его изумлённом лице колебания, Инна недовольно скривила губы, остановилась.

– Ладно, чистюля, не хочешь прямо здесь, тогда пойдём к тебе, в «дежурку», – взяв его за руку, смело повела вниз. Пока шли по лестницам, её экстаз немного поукал и, увидев старый топчан с грязным продавленным матрасом, она вообще отказалась от этой затеи: «Ладно, давай мы не будем сейчас торопиться, подождём...»

А на следующий день, взяв с собой небольшую сумку, он спешил на вокзал для своей первой поездки в Казань. Да ещё с женщиной, к которой питал определённые сердечные чувства. В маленькой маршрутке они ехали с перерывами часов пять, и Лёха, удивляясь, открывал для себя в Инне всё новые и новые черты чего-то смутно колкого и неприятного..В её движениях, словах сквозила какая-то паутина расчётливости, на которую он сначала совсем не обратил внимания, а потом стал замечать всё больше и больше.

Заселились в двухместный номер маленькой уютной гостинички в центре города. Лёхе она показалась просто замечательной. Дни, проведённые в Казани, ему открылись новым окном в радость, которую он торопливо черпал, чтобы успокоить утомлённую душу. В первый же день Инна предложила погулять по вечернему городу, наслаждаясь красотой впервые увиденного..

Потом они добрались до городского велодрома и, наслаждаясь своим неожиданным детским решением, катались на огромных велосипедах по городской набережной до ночной тем-

ноты. Уставшие и голодные вернулись к своим постелям. и, приняв душ, заснули настоящим крепким сном.

В оставшиеся до отъезда дни было решено получше посмотреть город и его главные достопримечательности. Больше всего Инне понравилась центральная улица с её красочными бесчисленными магазинчиками и закусочными.

Магазин ретро вещей (фото автора)

И хотя она мало чего в них покупала, ей нравилось, как она говорила, «продавать глаза», то есть просто разглядывать товары, прицениваясь, но не приобретая их. Лёхе это сначала казалось забавным, но потом он уже привык к её вопросам «сколько стоит» и встречных шуточных вопросов уже не задавал. Инне торговалась при каждом удобном случае и, собираясь что-либо прикупить, выжидательно поглядывала в лёхину сторону: «Будет ли он так щедр, как в прошлые дни, когда не думая, с радостью доставал кошелёк?»

Дворец Сказок в Казани (фото автора).

Очередное тихое утро заглянуло в их гостиничное окно ярким солнцем. Накануне, после долгой прогулки по улицам города, они так устали, что даже не захотели ужинать, поэтому легли, выпив по настоянию Инны лишь по стакану кефира. В это день завтрак они проспали, и его пришлось готовить самим. Вообще, Инночке это показалось даже интересным, и она увлечённо стала хлопотать на небольшой кухоньке в их номере. Загадку Лёха решил сразу – свой завтрак был гораздо дешевле, чем гостиничный.

Перекусив вкусным омлетом с ветчиной, они поспешили в город, так как планировали посетить дальний район и прокатиться на колесе обозрения, которое им показалось даже больше, чем в их родном городе. Это оказалось правдой.

Уютная застеклённая кабина не пропускала никаких звуков, негромко играла приятная музыка. Инночка и Лёха сидели напротив друг друга и наслаждались видами города с высоты почти птичьего полёта. Виды его действительно завораживали – высотные здания новых районов красиво чередовались с исторической застройкой.

Белокаменный Кремль прячась в дымке утреннего тумана, постепенно вырастал из него своими высокими, почти волшебными башнями. А купола главных мечетей призывно сияли под первыми лучами солнца. Сверху было на что посмотреть.

Новостройки Казани (фото автора).

Здесь, на высоте, далеко от земного мира с его грехами и проблемами, словно впервые влюблённый, Лёха смотрел на свою женщину и снимал, снимал её на видео, надеясь потом, когда-нибудь, посмотреть вместе или в одиночестве насладиться мгновениями её образа. И только здесь, радостно встречая взгляд любимой, он заметил лёгкую тень задумчивости на лице Инны.

Она говорила почти без восторга, разглядывая виды окрестности с высоты птичьего полёта. Словно какие-то мысли держали её душу там, внутри, закрыв на маленький, но прочный замочек.

Лёха не отрывал глаз от Инны, и она ощутила на себе его изучающий, внимательный взгляд. И в какой-то момент ему показалось, что от этого пристального общения глазами она почувствовала себя как-то сиротливо и неудобно – исчезла улыбка, доброжелательность, и главное – пропали тёплые искорки наслаждения в глазах. Инна не хотела, чтобы кто-то узнал её тайны.

Аквапарк Казани (фото автора)

А Инна действительно думала о нём. Сравнивала со своим бывшим, который в последние годы замужества твёрдо держал её на положении животного, которое должно было удовлетворять любые, самые изощрённые, страсти его персоны. И всё время спрашивала себя: «Правильно ли она сделала, что поехала с ним в Казань? Такая осторожная и подозрительная в последние годы, быстро доверилась ему, практически незнакомому человеку? Чувство опасности после жуткой смерти мужа притупилось, но практичность, осторожность и расчётливость остались такими, какими были всегда.

В конце концов, думала Инна, оборвать связь никогда не поздно, был бы повод или причина. А их можно придумать миллион. Сейчас она так для себя и решила: «Пообщаюсь пока, а там время покажет, кто он и на что способен. Буду держать его на коротком поводке и воли пока не давать».

Колесо стало завершать свой круг, они стали готовиться к выходу. Кабинка подъехала к выходу, Лёха помог любимой выйти. Инна огляделась и, внимательно посмотрела на него. «Надо сфотографироваться, – предложил он. Она ответила: «Давай, вот здесь!» – и указала на смешные кубики-инсталляции у стены, обвитой кудрявым изумрудным плющом.

Лёха моментально решился, но она остановила его:

– Погоди, сейчас приведу себя в порядок. И присела на куб, чтобы поправить макияж. – А то буду, как не знаю кто, – улыбчиво шевельнула своими красивыми губами. Сделали несколько кадров и неожиданно Инна заметила: «Коля всю зарплату отдавал всегда мне. А я свою копила, но только его тратила. Так вот мы и жили. Только счастье мне всё равно почему-то не давалось..».

«Да, вот это признание, – в лёхином сердце шевельнулся неведомый холодок, но он ничего не стал отвечать, чтобы не быть неправильно понятым. Да и в чужую, пока что, душу не спешил влезать. Сейчас он понял: «Она рисует сценарий будущей жизни. Как и что надо

будет делать, чтобы не ошибиться..Да, попалась мне особа ещё с теми понятиями». Пройдись по городу, они вернулись к ужину в гостиницу.

Утром предстояла прогулка в народную деревню – этнический уголок отдыха в центре города. Приехав туда, они окунулись на время в настоящую жизнь прошлого.

На улице Этнопарка Казани (фото автора)

Прогулявшись по тесным улочкам, решили перекусить в летнем ресторанчике. Лёха заказал свои любимые пельмени, Инна добавила к ним какие-то особенные плюшки и невиданное ими доселе варенье из сосновых шишечек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.